

«ПРИЕМНАЯ МАМА ОБЫЧНО ПРАВА»

Директор детской деревни в Пскове ИГОРЬ СОЛОВЬЕВ — об уважении к детям, которое важнее любви.

У нас достаточно депрессивный регион. Когда мы начинали семь лет назад, каждый год выявлялось около тысячи сирот. У нас границы с Латвией, Беларуссией, Эстонией и Ленобластью рядом. В нашей практике есть случаи, когда родители в поисках работы оставляют своих детей на родственников и уезжают туда на заработки. Иногда такие дети попадают в учреждения для сирот. В связи с этим у детской деревни были определенные трудности по установлению контактов с родителями, сейчас постоянно поддерживают связь с родителями около 30 детей.

Есть несколько историй про родителей, разыскивать которых приходилось в других странах. Дети приходили к нам с неполным комплектом документов, в частности без гражданства — приходилось делать запросы в сирийский суд, например, Латвии, так как невозможно было оформить гражданство России для ребенка, на тот момент уже проживавшего в детской деревне. С жильем для детей-сирот у нас тоже непросто. В тех случаях, когда ребенок имеет жилье, но его необходимо привести в порядок, детская деревня оказывает помощь выпускникам. Наша молодежь — выпускники детской деревни — может получать поддержку до 23 лет, в том числе и временно проживать в деревне после 18 лет до получения собственного жилья.

Сейчас благодаря новой государственной политике по семейному устройству детей в Псковской области в учреждениях находятся всего порядка 360 детей. Но есть проблема вторичного сиротства — возвратов детей из приемных семей. У нас сейчас 50 детей. К сожалению, и в детской деревне есть дети, пришедшие из приемных семей. У нас есть дети, пережившие ранее в семьях насилие, в том числе сексуальное. Эти травмы, пережитые детьми в раннем возрасте, труднее всего поддаются коррекции. С прошлого года мы сами ведем Школу принимающих родителей. Мы заинтересованы в подготовке будущих приемных родителей и их дальнейшем сопровождении. Люди приходят разные, в большинстве своем с искренним желанием помочь детям обрести семью. У нас состоялся первый выпуск. Мы желаем им всем успешно создать приемные семьи. А еще у нас есть успешный опыт сопровождения приемных семей, которые живут вне детской деревни. Когда было принято постановление №481, у нас большинство мам в деревне стали опекунами. У них были опасения потерять детей, к которым они давно привязались, и они оформили опеку. После оформления опеки изменилось само отношение к детям, появилось больше ответственности. Естественно, что мамы планируют свою «карьеру» в детской деревне и рано или поздно им предстоит выход «на пенсию». Любить наших детей бывает сложно, да и не сразу это чувство может возникнуть. А вот уважение личности может многое исправить. У одной нашей мамы, к которой пришли четверо детей из одной семьи, очень трудно складывались отношения со старшей дочкой. Как она сидит, как говорит — все раздражало. Только через много лет родилась любовь. «Я приняла ее», — недавно сказала мне эта мама. В одной из наших семей живет девочка, она оканчивает восьмой класс. Зимние каникулы она провела со своей кровной мамой в одной из деревень Псковской области. Вернувшись обратно, в доверительной беседе с психологом она сказала: «Как бы ни ворчала на меня приемная мама, она-то обычно права, я многое получила здесь, в детской деревне». Твердо решила, что остается у нас, хотя и с кровной мамой продолжает общаться.

Записала СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА

«МЫ ВЫГОДНО ОТЛИЧАЕМСЯ ОТ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ»

Директор самой северной детской деревни в мире ИГОРЬ ПОСАДСКИЙ — о том, как растить сирот за Полярным кругом, в Кандалях.

Сегодня у нас проживают 32 ребенка в шести классических SOS-семьях и 29 детей в шести приемных семьях. А начинали мы с двух опытных, подготовленных и состоявшихся приемных семей, которые долго обсуждали переезд в деревню со своими детьми. Уже потом появились семьи, которые сформировались на территории деревни. Мы относимся к этому внимательно: в случае с каждой семьей мы тщательно протестировали их готовность воспитывать не менее шести детей, в числе которых могут быть и свои, кровные.

Многие из детей, с которыми мы когда-либо работали, уже достигли совершеннолетия. В связи с этим у нас действует программа полунезависимого проживания, после 18 лет все ребята вступают в эту программу. Они пишут заявления, на них оформляется документация. И в рамках этой программы мы сопровождаем каждого воспитанника до 23 лет. У каждого такого выпускника есть наставник, роль которого может исполнять, например, SOS-мама. Наставники делают очень важную работу, сопровождая наших воспитанников в самостоятельной жизни. Например, получая собственное жилье, юноши и девушки должны понимать, что за жильем необходимо ухаживать, оплачивать коммунальные услуги, знакомиться и поддерживать отношения с соседями, обставлять квартиру и делать ремонт, соблюдать режим тишины и так далее. Скажем, первым делом под руководством наставника ребята, у которых есть средства на обустройство квартиры, составляют перечень необходимых для покупки вещей и смету на оплату коммунальных услуг. В этом плане мы выгодно отличаемся от детских домов, потому что у нас эта работа начинается еще в деревне, задолго до совершеннолетия. Каждый месяц са-

мый взрослый ребенок из каждой семьи приносит в наш офис данные об использовании холодной воды и сдает их инженеру. И потом, если расход воды превысил ожидания, они с мамой обсуждают вопрос «куда мы дели воду и почему истратили больше». С этого начинается понимание того, что за все нужно платить, а деньги нужно беречь. Для нас это имеет особую важность, потому что наша деревня — самая северная детская деревня в мире. Мы единственные, кто находится за Полярным кругом. Так что мы стараемся экономить тепло. Ведь у нас нет центральной отопительной системы: отопление и нагрев воды автономные в каждом доме. В том числе поэтому у нас возлагаю на старшего в доме контроль за этой экономией.

Также очень важно, что у нас нет ни прачечных, ни междокументов, ни столовых: дети сами готовят, сами умеют ухаживать за одеждой, у них развиты навыки гигиены, они сами при необходимости идут в больницу. Старшие дети знают, что нужно сдавать анализы, когда уезжаешь в лагерь, что нужно посетить терапевта, чтобы получить ту или иную справку и так далее. Паспорта воспитанники тоже получают сами: идут в паспортный стол, платят пошлину, заполняют документы. У них появляются и навыки поездок: благодаря тому что расстояние от детской деревни до дома молодежи составляет 250 км, этот переезд становится для них важным экзаменом. В общем, благодаря тому, что дети живут в большой, полноценной многодетной семье, вопросы социализации у нас куда более проработаны, чем в детском доме. Тут все делается в семье, начиная со стирки белья. Но, разумеется, с сопровождением и с обучением взрослого.

Мы ведь только называемся «деревней», а по факту находимся в самом центре города Кандалякши. Летом у нас деревня превращается в настоящий парк: все катаются на велосипедах, играют в песочнице, общаются друг с другом. Мы открыты для всех — в летний период детская деревня становится зоной отдыха для всех людей города Кандалякши. Наши дети ходят в четыре разные школы. Посещают спортивные кружки, музыкальные и художественные школы. Так что проблем с социализацией детей у нас нет.

Беседовала СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА

«НЕ ОТКАЗЫВАЕМСЯ НИ ОТ КАКОЙ ПОМОЩИ»

Директор Детской деревни — SOS Лаврово под Орлом ЛИЯ САНДАНОВА — о том, как российская глубинка диктует свои правила жизни.

У нас живут дети разных категорий, но в большинстве, увы, социальные сироты — сироты при живых кровных родителях. Основная причина этого — алкоголизм. Мы ведем активную социальную и психологическую работу с кровными родителями, но за 18 лет существования нашей деревни был только один случай, когда родитель восстановился в правах, прошел весь этот путь и воссоединился со своим ребенком.

Проблема также в том, что в нашем регионе, к сожалению, плохо обстоят дела с исполнением закона о предоставлении жилья выпускникам. Я была в Мурманске и в других регионах — там дети часто получают квартиры чуть ли не через день после совершеннолетия. У нас ситуация иная. И самая большая опасность кроется в том, что дети, впрочем не получившие жилье, зачастую обращаются к своим кровным родственникам, многие из которых продолжают пить и вести деструктивную жизнь. Дети, возвращаясь под их крыло, могут пойти по тому же пути, по которому шли их кровные родители. Такие случаи у нас, к сожалению, бывали. А полностью отследить этот путь мы, боюсь, не можем, ведь мы патронируем очень много детей.

Риск заключается еще и в том, что в селе Лаврово проблемы с досугом. У нас один-единственный клуб, в котором фильм можно посмотреть далеко не каждый день. А незанятый ребенок — это ребенок, который может свернуть не туда. И мы эту проблему решаем за счет большого количества образовательных кружков по интересам: у нас есть «английский клуб» и многое другое. Наша особая гордость — переустройство бывшего овощехранилища. В нем раньше хранили картошку в мешках, а потом потребность в этом отпала: мешками ведь больше никто не покупает. Девять месяцев, буквально как ребенка, мы вынашивали стройку и в конце концов с помощью друзей и партнеров превратили овощехранилище в тренажерный зал, где дети из детской деревни и окрестностей проводят очень много времени с пользой для здоровья.

Собственно говоря, у нас нет задачи самостоятельно собирать средства: нас финансирует «московский офис». Но мы же живем не в безвоздушном пространстве: когда какие-то наши потребности и затраты не покрываются бюджетом, как это было с ремонтом овощехранилища, довольно много местных фирм и частных лиц участвуют в нашей деятельности и помогают нам. И мы им, конечно, благодарны.

Нашим друзьям и помощникам мы ежеквартально высылаем письма с нашими немудреными новостями, получаем обратную связь и отклики. У детской деревни есть партнеры и Друзья, которые помогают в течение многих лет. Часто речь идет о регулярных денежных пожертвованиях — это очень важно, когда пожертвования приходят регулярно, пусть они и невелики, и ты ежемесячно можешь рассчитывать на какую-то конкретную сумму. Но в основном нам оказывают вещественную помощь, например помогают плиткой, стройматериалами, цементом. Строители, которые делали теплый пол в будущей тренажерке, бесплатно сделали для нас определенные работы сверх сметы. Мы не отказываемся ни от какой помощи. Какая разница, дадут нам средства на приобретение стройматериалов или сами стройматериалы? Регулярно к нам приезжает группа волонтеров из Москвы, проводят тренинги, мастер-классы, вместе с нашими детьми они раскрасили граффити здание тренажерного зала, в мартовские каникулы мы ждем их вновь.

Бюджет каждой семьи складывается из разных статей, в первую очередь это питание, одежда, школьные принадлежности. Тут речь идет об определенной сумме, которая ежемесячно перечисляется на карточки — разумеется, с последующими отчетами о тратах. Об этих финансах заботится Российский комитет «Детские деревни — SOS» в Москве. А из областного бюджета мы получаем субсидию на питание — правда, только для детей, которые проживают непосредственно у нас в деревне. Живущие в доме молодежи наши выпускники в это число уже не входят. Сейчас один из наших ребят проходит срочную службу в Забайкальском крае далеко от Орла, от друзей, от детской деревни. Моя хорошая знакомая, живущая в Чите, навещает его. Она пишет мне: «Очень хороший парень. Потом в Орел обратно собирается, продолжать учебу в университете. Знает, чего хочет. Скромный, обаятельный. Если вы там таких людей делаете — большое дело! Молодцы!» Когда слышишь такое, сердце радуется! А когда оно радуется, можно горы свернуть на пути к цели!

Беседовала СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА

«ЗА КАЖДЫМ СТОИТ РОД»

В 2000 году первых сирот приняла детская деревня — SOS около Петербурга, в маленьком Пушкине. За 17 лет из деревни выпущены 87 детей. СЕРГЕЙ ЯКОВЕНКО, директор пушкинской деревни, о том, как вырастить детей, чтобы они стали счастливыми взрослыми.

Первый вопрос, который мы решаем, принимая сироту к себе, — это вопрос о том, является ли детская деревня лучшим местом для его жизни. Мы смотрим, есть ли у ребенка высокие шансы уйти под опеку или усыновление в обычную семью. Если это так, то зачем ему к нам в деревню? Последние годы у нас средний возраст приходящих детей — 11–12 лет. Лет десять назад средний возраст приходящих детей был 6–7 лет. Это связано с развитием опеки и усыновления в стране. Сейчас мы часто берем и уже относительно взрослых детей, и большие семьи. Когда детей трое-четыре,

маловато шансов, что их всех вместе возьмут на какую-то форму устройства в обычную семью. Тогда нужны мы. Если определено, что детская деревня является лучшим местом устройства для этого конкретного ребенка, то мы выбираем ему дом и семью внутри деревни. Расспрашиваем наших SOS-мам об их возможностях, выслушиваем пожелания. Психолог разбирается с новым ребенком, и если это, например, гиперактивный мальчик, а в семье уже есть два таких, то мы понимаем, что они разнесут дом и SOS-маме не хватит ресурсов для работы с ними. Когда решаем, в какой дом можно определить ребенка, мы сообщаем маме и ждем ее ответа. Возможно, сейчас у другого ее ребенка кризис и она не готова к пополнению. Возможно, семье не хватает ма-

териальных ресурсов. Сейчас у нас 12 домиков, в среднем в каждом 6 детей. На сегодня 57 ребят. Есть еще молодежные дома — там сейчас 11 подростков. Еще 30 совершеннолетних ребят на программе постинтерната — мы называем это программой полунезависимого проживания, когда взрослый выпускник уже работает, живет в своем жилье, но с нашим участием и в необходимых случаях — с нашей помощью и под нашим контролем. Ведь главная цель деревни — подготовить детей к счастливой самостоятельной жизни.

Наши дети не перекаати-поле. За каждым стоит его род, его семья. Да, родители могли оступиться, могли жить неправильно. Но ребенок должен их знать. Если это возможно, должен знать всех своих родственников. Мы ищем бабушек и дедушек, других родственников и привлекаем их к участию в судьбе ребенка. Мои коллеги выезжают с ребенком в место, где он жил. Бывает так, что там все умерли или пропали, но есть соседка, которая помнит ребеночка, у нее есть его самые ранние фотографии. Когда наши дети вырастают, мы стараемся объяснить им, что надо быть благодарными мамам хотя бы за то, что они их просто родили, просто подарили им счастье жить.

Редко, но бывает, что мы выстраиваем отношения с родной семьей так, что детей удается вернуть в семью. Два года назад мы вернули троих детей, мама которых восстановилась в родительских правах. Сейчас у нас временно размещены два братика — два года и четыре им. С мамой ведется активная работа фондом «Укрепление семьи», нашими коллегами. В конце марта мама заберет детей. Наши дети могут быть устроены в приемные семьи или усыновлены/удочерены. Все наши дети находятся в Банке данных детей, оставшихся без попечения родителей. Потенциальные опекуны могут познакомиться с ребенком и выстроить с ним отношения. Но первое знакомство с ребенком мы устраиваем очень деликатно. Например, мы сидим с возможными будущими приемными родителями в моем кабинете, я позвоню SOS-маме и попрошу ее дать Пете какую-то ненужную бумажку, чтобы он занес мне ее в кабинет, а взрослые на него посмотрели

и перекинулись парой фраз с ним. Это непродолжительная встреча. Или потенциальные опекуны могут просто прогуляться со мной по деревне, посмотреть, как дети проводят время на детских площадках. Если потенциальные приемные родители тверды в своем намерении установить отношения с ребенком, мы знакомим их с документами ребенка, даем всю информацию о ребенке, определяем порядок встреч с ним для установления отношений.

Но нередко такие кандидаты, познакомившись с жизнью детской деревни и наших детей, говорят: «Мы не видим смысла забирать ребенка в нашу семью из вашей семьи». Если ребенок старше десяти лет, мы по закону должны спрашивать его согласия. Многие дети от нас уходят не хотят. Отношения с SOS-мамами складываются по-разному — мы не регламентируем, как обращаться ребенку к SOS-маме. Зовут и тетя Наташа, и мама Наташа, и мама на «вы». Между собой за глаза называют мамой. «Я люблю свою маму Наташу», — часто слышу я.

Иногда нам говорят: «Вы не семья». Но термин «семья» не юридический: ни в одном законе не дано определения семьи. А если ориентироваться на социальные и психологические функции семьи, а исследователи сходятся на том, что их около 14, то наши SOS-семьи не выполняют только репродуктивную. Да, сама деревня — это учреждение, это не семейная форма устройства. Тут мы не спорим. Но внутри деревни у нас живут именно семьи: 12 SOS-семей в 12 домах со своими радостями и печалью, со своими заботами и хлопотами, со своими праздниками и традициями, со своей жизнью. Из десяти кандидатов в приемные родители, которые приходили в деревню за десять лет моей работы, восемь — это одинокие женщины без мужа и без детей. Почему тогда считается, что ребенок, уходя к этой женщине, уходит в семью, а наши SOS-семьи не считаются? Мы видим, что наши выпускники воспринимают нас как семью, отношения с SOS-мамой и общение с ней не прекращаются после выпуска, взрослые дети приезжают в гости и звонят.

Беседовала СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА